

К 556/44г.

К Р О К О Д И Л

№ 33 МОСКВА 1944

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ГОД ИЗДАНИЯ XXIII

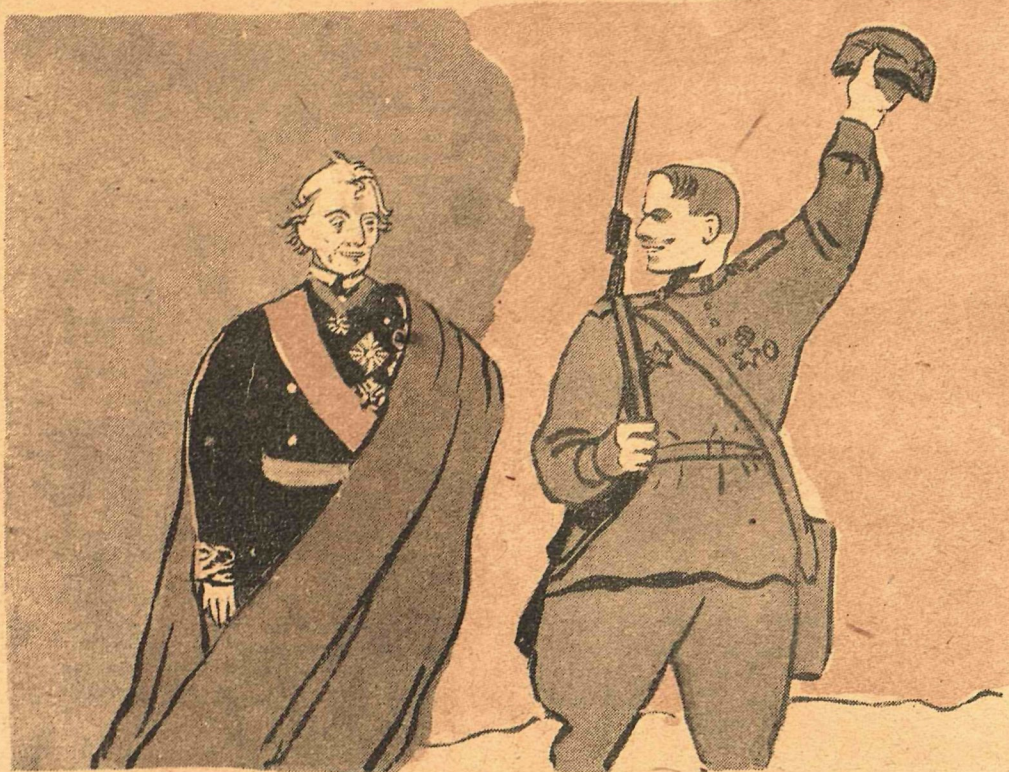
ЦЕНА НОМЕРА — 40 коп.

РОМАН С САТЕЛЛИТОМ

Рис. Ю. Гацфа

ГИТЛЕР (Хорти): — Наконец, мы одни..:

Суворов-Рымникский и боец Рымникской гвардейской дивизии Петров.

Горе проснувшимся V

Очастлив, кто спит, кому в осень
Грезятся ласки весны...
Горе проснувшимся!

Н. Минский

ОН ОТКРЫЛ глаза, сладко зевнул:
— Который час, Минна?
Фрау Минна вскричала:
— Наконец-то ты проснулся, Генрих!
— Да, Я, кажется, очень долго спал. Почти целые сутки.
— Даже больше.
Она не соврала. Действительно, больше. Генрих заснул 23 июня 1941 года. Он спал свыше трёх лет!
— Итак,— продолжал Генрих,— мы со вчерашнего дня воюем с Россией. Есть сегодняшняя газета?
— Потом... Потом, Генрих... Ты ещё очень слаб, чтоб читать сегодняшнюю газету.
— Ну, рассказывай. Что случилось на фронте, пока я спал? Мы уже в Прибалтике?
— Да, Генрих. Мы ещё в Прибалтике.
— Ты права, Минна. Мне кажется, что можно было двигаться быстрее.
— Успокойся, Генрих. Будет и быстрее. Немцы научились. Судя по всему, мы недолго задержимся там, в этой Прибалтике.
— А где мы на Украине? До Днепра далеко?
— Очень далеко, Генрих. Не можешь представить себе, как далеко.
— А границу Белоруссии мы уже пересекли?
— Ещё как! Даже опомниться не успели. Вышло очень эластично и планомерно.
— Я так и знал. У фюрера — голова!
— Ничего, это пройдёт.
— Что ты сказала?
— Нет, ничего.
— Ну, а как ведут себя русские?
— Ужасно. Они переходят всякие границы!
— Где они сейчас?
— Что? Границы?
— Нет, русские.

— Всюду там, где немцы.
— Не понимаю.
— Противнику нигде не удаётся оторваться от наших частей, хотя те порою совершают стремительные отходные движения, поспешно отступая в порядке успешного сокращения...
— Опять ничего не понимаю.
— Проснёшься окончательно, тогда поймёшь.
— Как наши союзники?
— Ничего. Спасибо.
— Муссолини с нами?
— Он-то с нами.
— Антонеску за нас стоит?
— За нас. Сидит.
— А румыны дерутся?
— Начали драться.
— А болгары?
— Уже дерутся.
— А венгры?
— Те ещё не дерутся. Их дерут.
— А как финны?

Минна не успела ответить. «Алло! Внимание! Говорит Берлин». Она вскочила, чтоб включить радио. Но муж схватил её за руку.

«Алло! Говорит Берлин. Под давлением превосходящих сил противника немцы одержали новую победу над русскими, оставив предместье Варшавы — Прагу, и тем самым успешно сократили коммуникации, связывающие нашу армию с Германией...»

— Что это такое? — прохрипел Генрих. — Что это такое? Кто же наступает?

— Русские наступают, Генрих. Русские! Ты проспал свыше трёх лет!

Генрих схватился за голову.

— Я хочу опять спать! Скорей бы опять уснуть! Уснуть!

— Не удастся, Генрих. Разве можно уснуть, когда вокруг тебя такой шум?..

Г. РЫКЛИН

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

БУДАПЕШТ. Наднях здесь была нарушена светомаскировка. Особенно ярко и долго горели огни в районе расположения военно-промышленных объектов. Как выяснилось, нарушителями светомаскировки оказались советские лётчики. Однако по независящим от венгерских властей причинам нарушители оштрафованы не были.

БЕРЛИН. Министерство путей сообщения широко оповестило, что кратчайший путь сообщения Варшава—Берлин начал функционировать. Приток пассажиров огромный.

РИГА. Здесь стало известно, что германское военное командование работает над постановкой нового обозрения на театре военных действий. Название обозрения: «Прощай, Прибалтика! В Берлин пожалте-ка!»

МАДРИД. Местные статистики с удовлетворением отмечают бурный прирост народонаселения Испании, происходящий несмотря на повышенную смертность и на пониженную рождаемость в стране. На вопрос, за чей же счёт происходит этот прирост, статистики отвечают: не за счёт, а за наличный расчёт. Немцы, ставшие испанцами, платят немецкими марками, после чего бегут в Аргентину—и никаких испанцев.

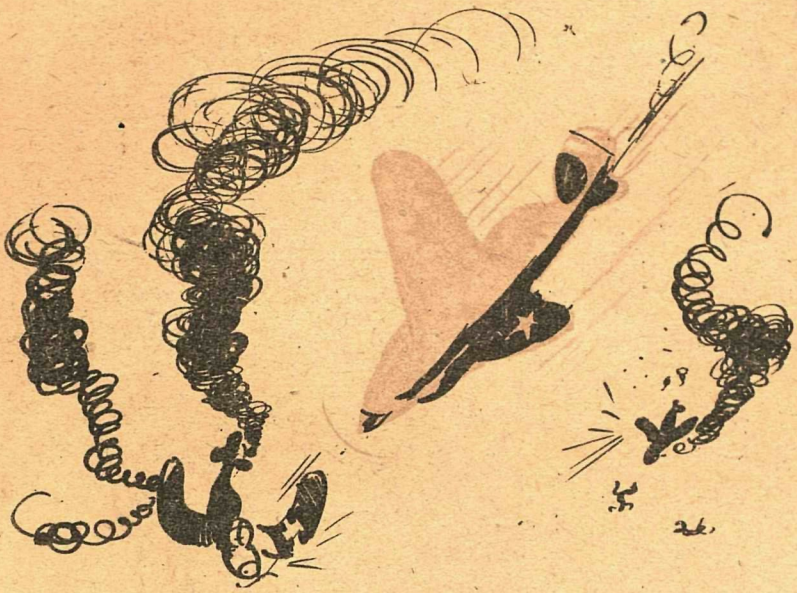
ЖЕНЕВА. В Германии настолько обострился продовольственный кризис, что немцы перестали питаться даже надеждами.

Рис. Л. Бродаты

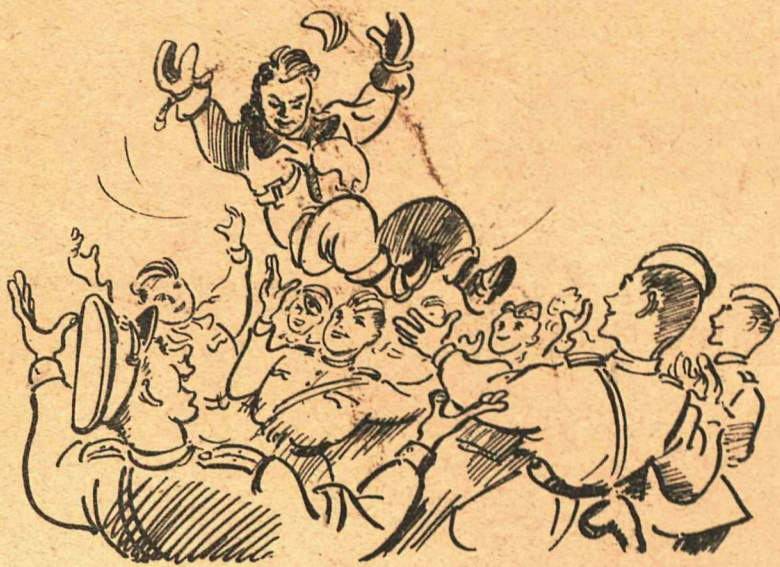

— Почему, собственно, Хорти—адмирал? Ведь у нас в Венгрии нет морей!

— Да, но он большой специалист по мокрым делам!

Покрышкин в воздухе!

Покрышкин в воздухе!

Экспонат № 721

В ОТ уже три месяца, как я покинул своё партизанское житьё. В селе хозяйничаю. Пришёл как-то с поля, принёс колосок пшеницы. Помял в руке, зёрна подсчитал, интересуюсь, какие трудны будут, сколько тонн сверх плана дадим Красной Армии. Одно могу сказать: хлеба в этом году могуче!

Сижу себе, подсчитываю, планирую. Вдруг слышу — машина подъехала. Вылезит из неё какой-то человек и ко мне направляется.

— Вы, — спрашивает, — партизан Отечественной войны, товарищ Эс?

— Да, — говорю, — я бывший партизан Отечественной войны товарищ Эс, а теперь уже четвёртый месяц, как снова Семён Гомон, председатель колхоза «Калут фашизму».

— Ага! — отвечает. — Вас-то мне и надо. Я к вам из Киева. По очень серьёзному делу.

— Ну, раз по серьёзному, — заходите, — говорю, — в хату. Может, новый циркуляр насчёт холостяков привезли?

А он хитро так усмехнулся:

— Нет, — говорит, — не то!

— Тогда, может, лекцию нашим матерям прочитаете о новом законе? Очень интересуются. У нас тут два кандидата на орден имеются. Секлетей и Христа. У обеих по девятёрку...

— Нет. Я не в курсе этого вопроса.

Он надел очки и взглянул на меня строго:

— Оружие имеете?

Я растерялся:

— Какое такое оружие?

— Партизанское!

— Кое-что сбереглось. Автомат внуку подарил, а берданка есть.

Я снял берданку со стены, сдул пыль — хоть и неважная берданка, а всё же я из неё собственноручно одиннадцать немцев уложил.

— Прекрасно. Вашу берданку я забираю.

— Как так «забираю»?

— Очень просто. Я вас, товарищ партизан, обезоруживаю. Что у вас ещё имеется огнестрельного?

Я пожал плечами:

— Ещё пистолет есть, трофейный. Снял с

убитого немецкого коменданта. Я из этого пистолета двух немцев убил.

— Давайте и пистолет...

— Позвольте... Так меня же сорок фрицев не смогли обезоружить, а тут... Не дам!

— Не возражайте. Это для истории. А это у вас что, финка?

— Финка.

— Скольких убили этой финкой?

— Признаюсь откровенно — ни одного. Я, видите ли, по годам своим в рукопашную с ними не вступал. Я только издала — на мушку возьму и заземлю. Финка моя чистая. Я ею хлеб в походе резал, консервы открывал. Ловкая штука! Вот как отстроим нашу свиноферму, свиней буду моей финкой колоть.

— Не придётся! — решительно заявляет мой гость. И забирает мою финку.

«Что за оказия?» — думаю. Совсем расстроился.

А тот продолжает:

— Где ваша партизанская одежда? Покажите, в чём вы по лесам ходили?

Я взглянул на представителя исподлобья — и уже не сопротивлялся. Молча открыл сундук.

— Вот мои сапоги, тёплые, на подкладке. Подметки уже совсем протёрлись. Соберусь в город, может, почию.

— Ни в коем случае! — воскликнул представитель. — Я забираю их! А этот кожушок ваш?

— Мой...

— Небось, в засаду в нём ходили?

— Ходил.

Гляжу — уже и кожушок тянет себе, мой кожушок, латанный, который я сохранил ещё с русско-японской... Увидел шапку мою боевую, с красной ленточкой... Забрал и шапку...

— Послушайте, добрый человек, — говорю я ему, — что ж это вы делаете? Вы же меня не только обезоружите, но и разденете!

— Не спорьте! — волнуется он. — Всё это для истории. И это уже не кожушок и не финка, а экспонаты. А одежду и сапоги полу-

чите новые — чище этих. Будем знакомы! Я представитель музея Отечественной войны.

И садится за стол и тут же наклеивает на моё барахлишко какие-то ярлыки.

— Так, так, дорогуша, для истории. Теперь ваш кожушок будет висеть рядом с жуланом Богдана Хмельницкого. Вы умрётё, а внуки ваши придут в музей и увидят, в каких сапогах их дед-партизан ходил в поход.

— Да, было дело... Я в этих сапогах до самых Карпат прошёл, все Брянские и Черниговские леса измерил. За два года более десяти тысяч километров изходил.

— Вот видите... Может, ещё что есть? А нука? Для истории не пожалейте...

— Да нет, как будто всё... Правда, есть ещё один предмет, но не знаю, подойдёт ли он для истории.

— Покажите.

Я подал представителю орчик¹.

— Это что такое?

— Орчик. Этим орчиком я своего первого немца убил.

— Давайте его сюда, это же бесценный экспонат!

Он чуть не вырвал из моих рук злополучный орчик, бережно наклеил на него ярлык и номер поставил: «721».

Потом поблагодарил меня за экспонаты, сложил всё в машину и поехал.

Я долго смотрел ему вслед. Немножко жалко было сапог. Да и кожушок бы ещё пригодился.

Но всё-таки я преисполнился гордостью. Будет мой орчик лежать под стеклом где-нибудь в музее, рядом с саблей Зализняка или Гоиты! Экспонат!

Вот какие дела. А, может, уже и я — не я, не просто себе партизан дед Семён Гомон, а, может, какая-то страница истории?

Юрий МОКРЕЕВ

С украинского перевела Татьяна Стах.

¹ Палка для привязывания постромок к запряжке.

Рис. Л. Бродаты

Сняли.
(Снимок 1940 г.)

ПРИЕХАЛ! Приехал! — воскликнул какой-то парнишка лет восьми, едва я и лейтенант Черешня ступили на платформу большой железнодорожной станции. Вслед за парнишкой нам навстречу двинулась целая семья: пожилая женщина в чёрной кружевной косынке, молоденькая девушка в сиреновом платье и седоусый коренастый мужчина в форме пожарной охраны.

— Извините, Сашенька не приехала встречать. Некого было оставить — сказала улыбаясь женщина в кружевной косынке.

Девушка одарила нас слегка смущённым, но нежным взглядом, паренёк повис на руке Черешни, а мужчина в пожарной форме взял у меня чемодан. Нам пожимали руки, на нас восторженно смотрели. Было очевидно, что вся семья почему-то чрезвычайно рада нашему прибытию.

Всё шло хорошо. Беда лишь в том, что я понятия не имел, кто это нас с лейтенантом так тепло встречает. Никаких знакомых, а равно и родственников в этом небольшом городке у меня и у лейтенанта Черешни не было. Заехали мы сюда по просьбе нашего фронтowego товарища, чтобы в местном совете получить необходимые ему справки.

Атакованный приветствиями, я весьма тревожно улыбаясь окружавшему нас семейству и, признаться, совершенно потерял дар речи.

Я хорошо понимал, что здесь какое-то недоразумение, и для координации предстоящих действий хотел было привлечь к себе внимание лейтенанта Черешни. Но, оглянувшись, я увидел, что храбрый лейтенант находится в совершенно противоположном, чем я, настроении. Громко смеясь, сияющий и довольный, он вёл под руку прелестную девушку в сиреновом платье.

— Ясно, — услышал я голос Черешни. — Так мы, Любочка, и занесём на огневой планшет. Только не путайте имя моего капитана. Его зовут Сергей Степанович, а не Сергей Капитонович.

Я немного рассердился. Меня задел задобривший и счастливый вид Черешни.

«Ага! Значит, лейтенант предупредил своих родственников о нашем приезде, устроил мне сюрприз. Хорошо! Да, но мамаша упоминала о какой-то Сашеньке, которой не удалось нас встретить. Кто же она?» — думал я.

Через три минуты мы, выполняя громовые команды пожарного начальника, все как один втиснулись в дрожащую от нетерпения машину и под звуки пожарной сирены красным смерчем пронеслись по мощёным улочкам бельёного, глубоко тылового города.

Вскоре автомобиль со скрежетом остановился у одноэтажного домика с белыми тклевыми занавесками в окнах. Нас ввели в комнату с крашеными полами, где стоял широкий, белоснежный стол, на котором, обливаясь каплями холодного пота, возвышались, словно башни, два высоких графина. Вокруг них теснились блюда с заливной рыбой, холодной пе-

чонкой, фаршмаком, домашней колбасой и салатом. Когда мы умывались, я всё же не удержался и упрекнул своего лейтенанта:

— Что же вы не предупредили меня, что нас встретят, — не разберу, то ли ваши родственники, то ли знакомые? И вы даже не представили меня девушке. Так гвардии артиллерия не поступает. Да-с!

Черешня стал поспешно брызгать водой в лицо и удивлённо захлопал глазами:

— Товарищ капитан, Сергей Степанович, что вы? А я думал, что нас встречают ваши знакомые, что это вы мне устроили сюрприз.

— Вы серьёзно? — спросил я трагическим шопотом.

— Честное слово, — так же шопотом ответил мне Черешня, и на его мокром лице отразилась неподдельная тревога. — Мне Любочка сказала, что вы хороший знакомый её старшей сестры Сашеньки. Я их ещё поправлял, они вас все почему-то зовут Сергеем Капитоновичем. Ерунда какая-то!

Мы одёрнули ремни и гимнастёрки и, смущённо улыбаясь, приготовились к грустным объяснениям. Но тут вошёл хозяин и весело скомандовал:

— Прошу к столу! Сашеньку ждуть не будем.

С этими словами он настойчиво и мягко ввёл нас в столовую. С холодеющим сердцем я опустился в старинное плюшевое кресло.

«Опять эта Сашенька, — думал я. — Интересно, как мы с ней знакомы — лично или письменно?..»

Не успел я проглотить сочный кусочек печонки с горчицей, как мой сосед, Коленька, решил высказать, очевидно, давно мучившее его желание.

— Извините, товарищ капитан, но я забыл сказать вам спасибо, — учтиво произнёс Коленька, — за значок, который вы мне прислали с Сашенькой. Всем ребятам понравился.

Я вынужден был выпить ещё один бокал, но есть не мог. Я вздрагивал при каждом скрипе дверей, я прислушивался к шагам в коридоре, я ждал вторжения Сашеньки.

А между тем мой лейтенант вовсе не унывал. Он ещё более порозовел, всё чаще наклонялся к Любочке, шептал ей на ушко что-то таинственное. Черешня добросовестно съедал всё, что ему предлагала хозяйка, добрейшая Стефанида Яковлевна, и, встречая мой удивлённый и беспокойный взгляд, делал невинное лицо:

— Правда, здесь неплохо? — говорили его глаза — А почему вы не едите, товарищ капитан? У нас на батарее не часто дают молодого барашка с картофелем...

Когда на стол поставили вазу с яблоками, в коридоре послышался женский приятный голос. Стефанида Яковлевна многозначительно взглянула на меня и поспешно вышла навстречу дочери. Я вскочил с кресла, но все расценили этот порыв, как моё нетерпение.

Вошла Сашенька. Это была женщина лет

двадцати восьми с приятным открытым лицом. Я заметил — Сашенька дружески улыбнулась и восторженно пожала мою руку.

— Очень рада, — сказала она. — Извините, что я опоздала.

Я не знал, что ответить. Никогда я не видел этой милостивой женщины и даже не слышал о ней. Я взглянул на Черешню, и меня окончательно подавила его коварная улыбка. Теперь он был убеждён, что Сашенька — моя знакомая и я ему устроил сюрприз.

Лишь через четверть часа мне удалось увлечь Сашеньку к окну и сказать ей:

— Прошу, очень прошу нас извинить, но мы попали в ваш дом... можно сказать, не по своей воле, случайно. Мы не могли ничего... Вы понимаете, как получилось, — путался я.

— Говорите тише, — сказала Сашенька, сдерживая смех, — это всё Коленька напутал, он вас принял за моего знакомого, тоже капитана, с которым я и мой муж познакомились в поезде и подружились. Только что я получила телеграмму, в которой наш знакомый капитан сообщает, что приехать не сможет. И я вовсе не хочу, чтобы Коля и Люба знали о приятной, но всё же ошибке. Пусть они думают, что вы — это не вы.

Рис. Ю. Ганфа

Фюрер молвит, страх сокрыв,
Генералу Кучке:
— Там в Прибалтике прорыв!..
Живо!.. Ножки в ручки!

Кучке грустно вышел вон.
— Не вернусь я больше!
В это время телефон —
Новости из Польши.

Гитлер молвит, страх сокрыв:
— П-сст!.. Назад, фон Кучке!
В Польшу дуйте! Там прорыв!
Живо!.. Ножки в ручки!

Кучке грустно вышел вон.
— Сгину с войском вместе!
В это время телефон —
Из Плоешти вести.

АЯ ВЫСТАВКА

В Германии была популярна фотография Гитлера, снятого у подножия Эйфелевой башни.

Выставили.
(Снимок 1944 г.)

— Да, но мне неудобно перед вашими родителями,— сказал я.

— Что там неудобно,— услышал я за своей спиной голос Стефаниды Яковлевны,— я ещё на станции, когда в машину селились, поняла, что мы не тех гостей встретили. Шепнула я об этом Ивану Тимофеевичу: мол, так и так. А он (Стефанида Яковлевна заговорила басом, подражая голосу своего мужа) мне отвечает: «Всё равно — Красная Армия. Пусть погостят у нас».

Стефанида Яковлевна и Сашенька рассмеялись. Рассмеялся и я. А на столе, на вязаной цветной скатерти, уже лежали игральные карты, и лейтенант Черешня показывал восхищённому Коле фокусы.

Этот далёкий дом я теперь часто вспоминаю. Каждый раз, когда лейтенант Черешня распечатывает письмо от Любочки, я вижу милые лица, тёплые взгляды, гранёные бокалы, дымящегося молодого барашка с картофелем и искристыми малосольными огурчиками, графины и прочие мелкие батареи и орудия.

Одно меня утешает: что на этом обеде, на который нас не звали, я и мой боевой товарищ были весьма зваными гостями.

Майор М. ЭДЕЛЬ

ЗАТРУДНИТЕЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Раз в райсовете,
Читая в анкете
вопрос
«За границу был?»,

Лётчик
Молодчий

Впервые в смущеньи застыл.
— Я был над Берлином
И над Будапештом,
Я над Бухарестом летал.
Но ни в Бухаресте

И ни в Будапеште,
А также в Берлине
Ни разу доньше,
Признаться, ещё не бывал.
Но скоро мои разрешатся сомненья,
Бесследно исчезнут мои затрудненья:
Ответ
В райсовете
Или в адрес месткома
Пришлю я с берлинского аэродрома!

М. АЗАРИН.

Собака — друг человека

ИЗВИНИТЕ меня, но я вынужден познакомиться с начальником концентрационного лагеря в белорусском местечке Каменка обер-лейтенантом войск СС Густавом Фрембахом.

Я не буду вам рассказывать его биографию, описывать наружность, но скажу только об одной его черте: Фрембах был собачником.

В Германии, на собачьих выставках в Лейпциге, он два раза получал золотую медаль за чистопородность и высокий класс дрессировки. Уже во время войны он издал книжку под заглавием «Собака служит великой Германии».

Густав Фрембах приехал в лагерь с десятью своими немецкими овчарками. В первый же вечер Фрембах собрал всех охранников лагеря и выступил перед ними со следующим сообщением:

— Высшее командование крайне недоволено тем, что заключённые вашего лагеря имеют возможность систематически устраивать побег. Я должен предупредить вас: ещё один побег — и все вы окажетесь на передовых позициях.

Лица охранников вытянулись и стали грустными.

— Но, я думаю, этого не случится,— продолжал Фрембах,— я привёз десять прекрасных сторожевых собак, воспитанных и выдрессированных лично мною. Эти собаки будут находиться на свободе, за оградой лагеря. И они выдрессированы так, что если видят бегущего человека, они немедленно кладут его на землю и лаем зовут начальство...

Облегчённо вздыхая, охранники расходились с собрания, и ни один из них не знал, сколь трагически обернётся их судьба.

В один прекрасный летний вечер Густав Фрембах сидел на веранде, пил кофе, как вдруг раздался телефонный звонок. Звонил друг Фрембаха, майор Гиль. Звонил из Минска, и Фрембах никак не мог понять, как майор, утром звонивший из Бобруйска, вечером звонит уже из Минска. А то, что услышал Фрембах из уст майора, было сплошным ужасом. Майор сообщал, что лагерь Фрембаха уже находится в тылу у красных, и советовал другу любыми способами «эвакуироваться» в Минск.

Хорошо сказать — любыми способами! Фрембах метался по дому, как сумасшедший, хватался за вещи, бросал их и в конце концов решил драпать налегке и самым древним, но самым верным способом. Он вышел из дома и с беспечным видом пошёл к воротам. Он думал, что охранники не заметят его бегства, но он был плохого мнения о догадливости своих подчинённых. Они всё видели, и, как только Фрембах вышел за ворота, они в разных местах ловко «форсировали» заграждения и рванули кто куда.

Но тут произошло следующее: дрессированные овчарки увидели бегущих в разные стороны охранников. И недаром Фрембах слыл классом дрессировки — овчарки сорвались с места и через каких-нибудь пять минут все охранники лагеря во главе с Фрембахом лежали под собаками и многоголосый лай оглашал окрестность.

На лай вскоре подошли бойцы нашей разведки, и всё окончилось так, как следовало. Вот и вся история, из которой мы узнаем, что даже немецкая овчарка, будучи в конечном счёте собакой, является другом человека.

В. АРДАМАТСКИЙ

АСТЬЕ ГЕНЕРАЛА КУЧКЕ

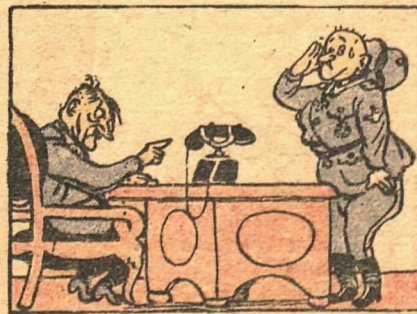
Стихи Н. Адуева

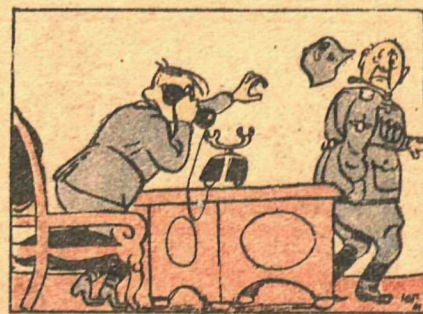
Гитлер молвит, страх сокрыв:
— П-сст!.. Назад, фон Кучке!
Там... В Румынии прорыв!
Живо!.. Ножки в ручки!

Кучке грустно вышел зон.
— Сдохну в Бухаресте!
В это время телефон —
Из Софии вестя

Гитлер вновь вернул его:
— П-сст!.. Назад, фон Кучке!
Там... В Болгарии... Тово...
Живо!.. Ножки в ручки!

Так германский генерал
(Ведь прорывов масса!)
Только взад-вперёд шагал
И от смерти спасся.

Рис. О. Верейского (Действующая армия)

— Не уходите никуда, Шурочка! Я только слетаю тут рядом в Германию, и через четверть часа в кино пойдём.

В мире пернатых

РАНО утром прилетела взволнованная сойка и сообщила о том, что в Союзе писателей только что закончилась горячая дискуссия о песне...

Пернатые всполошились. Как-никак, их это касалось не меньше, чем жанровых певцов и Лидии Руслановой. Ведь совсем недаром у соловья вышел весьма неприятный инцидент. Он сидел на ветке в Нескучном саду, а под деревом какой-то молоденький лейтенант со своей любимой вздыхали на луну.

— Эх, сейчас неплохо бы послушать соловья,— мечтательно произнёс лейтенант, целуя девушку.— И где это его, чертёнка серого, носит!..

Соловей обиделся:

— Я здесь, товарищи... На ветке...

— Чего же вы не поёте?

— Нечего петь... Нет репертуара...

— То есть как это нет репертуара?— удивился лейтенант.— Вы же всегда поёте о любви?..

— О любви!.. Но не могу же я опять свистать «Сердце красавицы склонно к измене» или «Куда, куда вы удалились!» Я не дятел и не тенор, чтобы каждый вечер долбить одно и то же...

— А разве ничего нового нет?

Соловей саркастически усмехнулся:

— Есть, конечно. Но согласитесь сами, что все эти «Детские кавалерийские», «Боевые трамвайные» и «Доходные-походные» — это не для соловья...

— А «Тёмная ночь» Никиты Богословского у вас в репертуаре?— робко спросила девушка, смущённо теребя синий платочек.

— Была в репертуаре... Больше года пел... Но сейчас критик Городинский не советует... Говорит, что это блатная музыка и вообще — даже не предмет для критического обсуждения.

Лейтенант, видимо, хотел сказать по адре-

су критика нечто категорическое, но, взглянув на соседку, только многозначительно крякнул.

— А вы не слушайте Городинского, товарищ соловей,— мило пролепетала девушка.— Пусть его галки слушают... И всё-таки спойте нам что-нибудь... Хотя бы и очень старое...

И соловью пришлось спеть «Средь шумного бала»...

Вот почему так всполошились пернатые, узнав, что вопросами песенного репертуара заинтересовался Союз писателей.

Нервно взмахивая крыльями и раскрыв от волнения клювы, они окружили сороку и буквально оглушили её разноголосым птичьим гомоном.

— Ну?!. Что?!. Как?!. Говорите же!.. Рассказывайте!— верещали они на все лады.

Маленькая жёлтенькая канарейка-иждивенка тревожно прыгала с ветки на ветку и ко всем приставала с одним и тем же вопросом: может ли она попрежнему шепетать нежные мотивы композитора Бориса Фомина?

Скромный полевой лирик-жаворонок очень беспокоился, как бы его не заставили подниматься ввысь с песнями Виктора Белого.

— Мне же приходится петь буквально в поднебесье,— горячо убеждал он унылого и равнодушного дятла, работника какого-то птичьего группкома.— А как же я с такой грузной музыкой буду набирать высоту!.. Невозможно! Мне дайте Тихона Хренникова, Блантера, Соловьёва-Седого!..

А сова категорически заявила, что они с филином по ночам теперь кричат только слова Цезаря Солодара.

Но больше всех почему-то волновался и наседали воробей, точно он был самой популярной певчей птицей среднерусской фауны.

— Вы-то чего беспокоитесь?— хмуро спросил его соловей.— Вы же, слава богу, не поёте...

— Да, но я иногда чирикаю по радио...

— Ну и чирикайте себе на здоровье... Кто вам мешает?!

У воробья от волнения даже вздыбился хохолок:

— Позвольте, я же чирикаю песни советских поэтов и композиторов!.. Должен же я быть ориентирован?.. Ну халтурщиков нельзя, это я понимаю... Не буду... А Алымова?.. Ведь до сих пор я всегда чирикал и Алымова... А теперь я прочёл о нём страшные вещи в «Красной звезде»...

— Тогда чирикайте какого-нибудь другого автора, если ваша воробьиная совесть неспокойна...

— Легко сказать, другого!.. А вот в газете «Литература и искусство» напечатано, что Алымов — один из лучших наших песенников... Вот и разбери тут!.. Как же это я перестану чирикать одного из лучших песенников?!— и воробей недоумевающе растопырил крылышки.

Сорока между тем рассказала, как она пробралась в Союз писателей и, сидя в вентиляторе, слышала всю дискуссию от начала до конца и даже сама чуть было не произнесла речь.

Тут птицы начали хохотать. А язвительный грач спросил:

— Почему же ты всё-таки не произнесла речь?.. Потрещала бы минут пятнадцать и всё... На то ты и сорока...

Но сорока скромно заметила:

— Я сначала хотела, но в это время как раз выступил один критик... И, послушав его, я решила, что мне-то, пожалуй, и незачем выступать...

Все признали её поведение правильным.

— Хорошо бы устроить свою птичью дискуссию,— сказал со вздохом грач.— В конце концов, у нас немало и собственных ораторов: сорока, ворона, попугай...

Но против этого решительно восстали все певчие птицы. А соловей воскликнул:

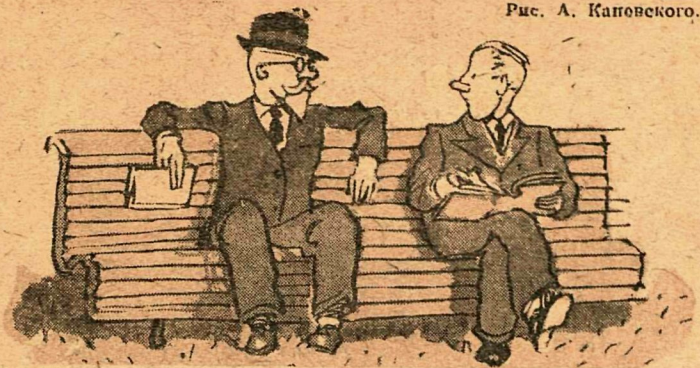
— Дискуссия — вещь полезная. Все эти споры принесут свои результаты. Но этого ещё мало. Вон сколько хороших речей было сказано у писателей, но их же нельзя петь!.. Ведь даже слова из доклада Исаковского и речи Лебедева-Кумача трудно положить на музыку... Поэтому давайте ждать, скоро ли за хорошими речами появятся и новые хорошие песни...

И, взмахнув крыльями, соловей полетел в Нескучный сад допевать своё вечное «Средь шумного бала»...

Е. БЕРМОНТ

КНИЖНЫЕ ЧЕРВИ

Рис. А. Каповского.

— Ну и культурный же народ пошёл у нас в городе!.. Книжки из библиотеки запоем крадут!

4 манекена 4

РАЗМАЛЁВАННЫЕ и красивые до приторности манекены чувствовали себя неплохо в городе Энке, рекламируя с витрин парикмахерских и ателье мод последние достижения куафёрного искусства и портновского шика.

Но в одну прекрасную ночь несколько манекенов внезапно исчезло. А через неделю—другую посетители некоторых учреждений стали замечать разительную перемену в заведующих и руководителях. Был человек, как человек. А тут у него появился стеклянный взгляд и автоматические жесты. Одним словом, за столом сидел, принимал посетителей, разбирал бумаги и отвечал на них самый настоящий манекен. Он, не читая, подписывал бумаги и отказывал посетителям, не глядя на них.

Так родилась легенда, будто пропавшие манекены нашлись.

Один манекен, как гласит молва, заделался председателем Базарно-Карабулакского поселкового совета, Саратовской области. За тысячу километров, из-под Киева, пришло к означенному манекену письмо от военнослужащего Малясова с просьбой выслать ему метрики. Рядовой сотрудник, возможно, оставил бы эту малозначущую просьбу без ответа, но базарно-карабулакский манекен ответил, что за получением метрик Малясову следует обратиться в базарно-карабулакский загс. Рядовой сотрудник, возможно, сам переслал бы письмо Малясова в загс, благо он находится в нескольких шагах от поссовета. Но что спрашивать с манекена, которому по штату думать не положено?

Жена фронтовика Ираида Ивановна Дорощева в начале войны эвакуировалась из Белостока на Урал. С мужем и родными она потеряла всякую связь и решила дать знать о себе: ведь её могут разыскивать. Дорощева запросила центральное справочное бюро в Бугуруслане, состоит ли она у них на учёте, если нет, то пусть её регистрируют. И попало это письмо к бугурусланскому манекену.

С деревянным равнодушием манекен ответил Дорощевой Ираиде, что «сведений с местожительстве разыскиваемой ею Дорощевой Ираиды центральное справочное бюро не имеет». Манекен ответил и остался, должно быть, в восторге от своей оперативности...

Инвалид Отечественной войны Ф. Мищенко во время немецкой оккупации потерял всё своё имущество. Ростовский торговдел по ходатайству облисполкома выделил Мищенко пару обуви. Но ростовский манекен, воплотившийся в инспектора по промтоварам Бугая, письменно предупредил Мищенко, что талон на обувь ему, Мищенко, следует получить в облторгделе.

От станции Раздоры, где проживает Мищенко, до Ростова 120 километров. Неужели нельзя было переслать злополучный талон и сделать так, чтобы инвалид получил пару обуви у себя на месте? Конечно, можно было! Но для этого нужно было чуть-чуть пошевелить мозгами. Чего-чего, а этого от манекена требовать явно бессмысленно.

Присмотритесь к манекенам внимательно — и вы обнаружите, что у каждого свой нрав, своя повадка. Манекены, оказывается, самодовольны и до крайности обидчивы.

Десять раз в течение полугода запрашивал офицер Перерва Желтянский сельсовет, Днепропетровской области, что с его матерью, — и всё безответно. Тогда Перерва обратился в Пятихатский райисполком. И, о чудо! Желтянский манекен заговорил:

«С получением вашего письма вам был дан ответ, что ваша мать находится в колхозе «Мишна праця» и живёт в неплохих условиях, но вам, видимо, захотелось ещё написать в райисполком и показать из себя героя-почетителя. Ваше небрежное отношение к сельсовету доказывает, что у вас нету доверия к советской власти и вы, не проверив существа, занимаетесь компроментацией».

Офицер Перерва, три года пробывший на фронте, готов был уже покаяться в том, что занимается необоснованной «компроментацией», как вдруг получил от матери письмо, и не из Желтянского сельсовета, а из Красноярска, куда она эвакуировалась ещё в начале войны.

Тов. Перерва хотел вразумить желтянский манекен, да отказался от этой нелепой мысли: самовлюблённый манекен может ещё пуще раздуваться.

Четыре манекена обнаружили себя. А где остальные? Какова их судьба? И не пора ли водворить беглецов на место?

Е. ВЕСЕЦИН.

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Если у тебя хороший цвет лица, мягкая и чистая кожа и нет морщин, ты легко и быстро можешь от всего этого избавиться. Стоит лишь приобрести жидкий крем «Юно», смазать им на ночь кожу — и уже наутро будут потрясающие результаты.

Эффективные пятна разнообразных оттенков густо покроют твоё лицо. Распухшая кожа и обилие морщин и складок до неузнаваемости исказят тебя... И только немедленное вмешательство врача и продолжительное лечение смогут ликвидировать поразительное действие крема. Вот какой это крем!

Чтобы ты не спутал его с другими средствами, прилагаю этикетку. Попробуй и убедись сам.

М. ШАРАПОВА

Москва.

Уважаемый Крокодил!

В Ульяновске от волжской пристани до города ведёт крутой подъём. Когда-то были тут и лестница и шоссе-ная дорога. От всего остались одни воспоминанья в виде разрозненных ступенек, ям и ухабов.

Наши градоправители, должно быть в целях поощрения альпинизма, решили дорожку и лестницу не восстанавливать.

И теперь только отчаянные смельчаки отваживаются на столь рискованное восхождение, чтобы, перевалив горные вершины, лично засвидетельствовать свой почтительный привет председателю исполкома Струбцову и завкомхозом Шулькину.

С. БОБЫРЕВ

г. Ульяновск.

Дорогой Крокодил!

С каких это пор помещение с выбитыми стёклами, потрескавшимися потолками и стенами, испорченным паркетом, неработающей канализацией и другими явными признаками запустения и разрушения именуется пыльным словом — консерватория? А вот в Саратове именно такое здание и есть консерватория.

Никто не требует от всех саратовских работников быть музыкальными. Слух у них может отсутствовать. Но зрение... Что случилось с зрением? Почему они упорно не замечают всего неприглядного вида нашей консерватории?

А. БЕЛОТЕЛОВ

Саратов.

Дорогой Крокодил!

Можно ли чем-нибудь заниматься на площади в 9 квадратных сантиметров?

Для муравья какого-нибудь, по всей вероятности, это не проблема, а вот для нас, слушателей Московской юридической школы, это наиболее важный вопрос.

Более трёх лет помещение нашей школы занято, а мы на правах бедных родственников ютимся в Московском юридическом институте. Там нам, 700 слушателям, отвели три комнаты, общей площадью не более 65 квадратных метров, что примерно и составляет 9 квадратных сантиметров на душу.

На этих более или менее уютных и комфортабельных сантиметрах мы по мере сил и изучаем всевозможные юридические дисциплины.

Например можем сообщить тебе, что нами детально изучен случай игнорирования Московским советом постановления Совнаркома РСФСР о предоставлении Московской юридической школе помещения.

По поручению коллектива слушателей Московской юридической школы.

А. СЕГИДИНОВ,
Н. МАСЛЯНИЦА

Москва.

В связи с опубликованной в № 44 Крокодила за 1943 г. заметкой «Вой быков в Подьякове» нас просит сообщить, что прокурор Мичуринского сельского района тов. Холодков никакого отношения к забою быка не имел.

УПРАВДОМ НА ВЫСОТЕ

Рис. Г. Валька

— Что вы жалуетесь на крышу!.. Я только что оттуда!.. Она в полном порядке!..

Фашистский балаган. Гитлеровские шуты показывают свои последние номера. На канате — обезьяна с истинно геббельсовской ловкостью балансирует со сверхтотальным грузом. Геринг на трапеции демонстрирует «воздушный акт». Вот-вот он сорвется и от него останется бездушный факт. На жёрдочке сидит Дитмар, сменивший своё обычное ампула попугая на более своевременное — испугая. Бывший Муссолини по примеру прежних сезонов пытается вертеть земным шаром. Но земной шар вращается сам по себе и уже давно отвернулся от этого «артиста». Фриц демонстрирует укрощённых и сокращённых тигров, пантер и т. д., один вид которых ясно говорит, кем и где они укрощены. Испанская шансонетка Франканалья исполняет популярную нейтральную сегидилью. С большим темпераментом. Но явно фальшиво. Адмирал Дениц показывает свой без конца повторяемый подводный номер: «Не теряйте, Дениц, силы, опускайтесь на дно!..» Лихой наездник Хорти выступает в полном трансе транзитом из Трансильвании. Лаваль и Петэн — две собачки служат при самой минимальной подачке. Манипулятор Гиммлер предлагает всем желающим показать на них опыт укорочения роста на одну голову. Все желающие категорически отказываются. В самом центре — факир бен Адольф закликает удавку. Но та не поддаётся заклинанию и вот-вот выполнит своё полезное дело. Тут и балагану крышка!

Редакционная коллегия: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 48, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедн. с 1 до 5 часов. Подписка цена на журнал — 1 р. 50 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП (б) „Правда“.

Москва. Изд. № 578.

Подписано к печати 28/IX 1944 г. Статформат 72×105 см.

Печ. л. 1. Кол. вл. в 1 печ. л. 78 000.

A 5294.

Типография газеты „Правда“ имени Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24.

Заказ № 2268. Тираж 100.000 экз.